

От автора

Рядом с нами порой живут удивительные люди, бытие которых, ещё до скончания их земных дней, становится легендой. Таков удел избранных. Они, питая высокие идеи человечества, слышат, видят и чувствуют то, что недостижимо для простых смертных, а мы не замечаем их, не бережём. Вот таким созидателем, чьё имя окружено ореолом бессмертия, и был Нико Пиросмани. Истории, которые о нём рассказывают, никто не может подтвердить или опровергнуть. Но именно они и есть его биография. Он сам её создал своей удивительной жизнью. Жизнь, превратившейся в Легенду о Мастере. И мы не имеем права не верить ей...

Жизнь Нико Пиросмани заключена между двумя вопросительными знаками: когда родился? когда умер? А между ними — длинная вереница других вопросов. Кто сможет рассказать правду о нём? У кого спросить: у земли? у неба? Даже современники вспоминали Никалу как сон. Он так и остался загадкой для поколений. Одна достоверность — он жил. Одна очевидность — жив и поныне. Ведь каждому художнику отпущено две жизни. Одна — его собственная. Другая — жизнь его искусства, которая, бывает, продолжается даже после кончины мастера.

Понять этого удивительного человека можно, наверное, лишь прожив жизнь так, как прожил её он. Нам же, почитателям его таланта, дана скромная возможность прикоснуться к тайникам его души, пытаюсь понять и принять его творческое наследие, в которое он вложил неизмеримую любовь к людям.

Книга, которую Вы держите в руках, не учебник истории, не научная монография или диссертация. Это исторический роман, который даёт возможность совершить путешествие в прошлое, в старый и неповторимый Тифлис конца девятнадцатого — начала двадцатого столетия, шумный, пёстрый, трудолюбивый. Основой для создания данного произведения явилась историческая достоверность, переплетённая с художественным вымыслом, а некоторые интерпретации изложенных здесь фактов являются спорными в связи с противоречивостью и недостаточностью исторических сведений.

Приятного Вам чтения!

*Искренне Ваш,
Валериан Маркаров
Тбилиси. Грузия*

Глава 1

СКАЗКА О ЮНОМ МЕЧТАТЕЛЕ

В некотором царстве, в некотором государстве... а точнее, в стране, называемой Грузией, что в девятнадцатом веке в качестве губернии входила в состав Российской империи, жил мудрый и свободолюбивый народ, очень гордый для такой очень маленькой страны. Каждый край её не похож на соседний, а её жители — грузины — отличаются друг от друга не только бытом и традициями, порой они даже общаются на разных языках и наречиях. Поговаривают, те, что живут на западе — имеретинцы, мегрелы, гурийцы, сваны, аджарцы и другие, — более бойкие, восточные же — карталинцы и кахетинцы — самые трудолюбивые.

На востоке этой гостеприимной страны — в Кахетии, благословенном Господом саду Кавказа с его янтарными виноградниками, — в селе Мирзаани жила-была семья Пиросманашвили. Дом Аслана, главы семейства, и его жены Текле стоял на самом краю села, рядом со старым

тутовым деревом, а неподалёку находился виноградник семьи. А ещё дальше, на заросшем лесном склоне, располагался участок земли, которым благодарное село наделило Аслана за отличие в бою, когда тот, с ловкостью джигита, отчаянно размахивал отточенным кинжалом, сражаясь с черноглазыми лезгинами, похитившими мирзаанских детей. Был он человеком сильным, настоящим кяхтинцем. Работящим и умелым крестьянином.

Несмотря на то что в 1861 году в России было отменено крепостное право, император Александр II считал нелёгкой задачей провести ту же реформу в самой Грузии. Это было невозможно без потери только что приобретённой лояльности грузинской знати, благосостояние которой зависело от крепостного труда. И всё же, спустя четыре года, Его Императорское Величество подписал указ об освобождении первых крепостных в Грузии, о чём и было громогласно объявлено во всех населённых пунктах, под шум духовых оркестров и бой барабанов, что гармонично сливались, вызывая вящее удовлетворение: *«Божией Милостью, Мы, Александр Второй, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая...»*

...Крепостное право на крестьян, водворённых в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется НАВСЕГДА...

...Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного...»

Теперь крестьяне стали свободными людьми и могли свободно передвигаться, вступать в брак по своему выбору

и даже принимать участие в политической деятельности. Землевладельцы же сохранили право на всю свою землю, но только часть её оставалась в их полной собственности, а другую получили право арендовать или выкупать бывшие крепостные, веками жившие на ней, чтобы компенсировать потерю земли хозяевам. За пользование землей были установлены следующие повинности: за виноградники, а также пахотные — крестьянин отдавал богачу четверть урожая, за сенокос — одну треть укоса.

Вот так и трудились крестьяне с утра и до поздней ночи. Мужик на полях траву косит, размахивая лезвием кривой косы на длинном черенке. Целый день будет работать он на жаре. Скошенная трава подсыхает на солнце и постепенно превращается в сено. Мужик молит Бога о сухой и солнечной погоде. Ведь если идёт дождь, то трава прееет, плесневеет и гниёт — ни на что она больше не годная! Сушить траву выходят целыми семьями, переворачивают её граблями и вилами. А когда она полностью высыхает, из полученного сена крестьяне делают большой стог с длинным шестом посередине, который перевозят на свой двор, где также хранят телеги, колёса, сбрую и другое небогатое своё имущество.

Самым главным работником крестьянского хозяйства была лошадь. Без неё земледельческий труд был просто невыносим. Лошадь и поле помогала вспахать, и навоз для удобрения почвы давала. Безлошадные крестьяне считались совсем бедняками. Пасли лошадь ночью, потому что днём ей некогда было пощипать травки: она всё время была с крестьянином в поле. У очень немногих была пара коров или буйволов, а кто-то владел несколькими свиньями или овцами. Скот держали на дворе,

а в холодную пору маленьких телят, ягнят или поросят крестьяне забирали в дом, специально отгораживая для них часть помещения. Скотина давала много полезных продуктов. Из коровьего молока делали сметану, масло, творог и сыр. Овца два раза в год давала шерсть, из которой вязали носки, делали грубую ткань. Куры и гуси обеспечивали семью яйцами и мясом.

Крестьянин заботливо ухаживал за скотиной, ежедневно готовил для неё в бадье специальное пойло — разваренную в печи кожуру овощей, оставшиеся от помола зерна мякину и отруби — оболочки зёрен, перемешанные с некачественной мукой. Всё это надо было тщательно приготовить и подогреть. Да ещё и сеном надо было покормить! Как же без сена? Одна корова съедала его в день целый пуд, а на год надо было иметь триста пудов, а то и больше. Кроме того, каждая корова выпивала не одно ведро воды, и хозяйке ещё подоить её дважды в день положено, чтобы на зиму побольше сыра и масла заготовить.

Помимо работы на полях, кахетинцы трудились на своих виноградниках: каждый день и всем миром, вне зависимости от того, когда наступит пора сбора урожая. Крестьяне подвязывали лозу к опорным столбам и проволокам и обрывали лишние ветви, следили за тем, чтобы высота куста не превышала одного метра — так легче ухаживать за лозой, а открытые солнцу янтарные ягоды набирают больше сахара... Из них делают вино, из жмыха — чачу¹, на сухой лозе жарят шашлык, а из виноградных косточек давят масло.

¹ Чáча (*груз.*) — крепкий спиртной напиток из отжимки. —
Здесь и далее примечания автора и редактора.

Тяжёлый быт делал судьбы многих семей похожими друг на друга. Из года в год жили они в одном и том же поселении, выполняли одни и те же работы и повинности. Построенная в деревне скромная церковь не поражала ни своими размерами, ни архитектурой, но делала это место центром всей округи. Ещё младенцем, нескольких дней от роду, каждый человек попадал под её своды во время собственных крестин и потом множество раз бывал в ней на протяжении своей непростой жизни. Сюда же привозили отошедшего в мир иной перед тем, как предать земле брренное его тело. Церковь была почти единственным общественным зданием в округе. Священник же был если не единственным, то одним из немногих грамотных людей. Как бы ни относились к нему прихожане, он считался официальным духовным отцом, к которому Закон Божий обязывал всех приходить на исповедь.

Три главных события в жизни человеческой объединяли жителей села: рождение, бракосочетание и смерть. Именно на эти три части и были разделены записи в церковных метрических книгах. В тот период времени во многих семьях дети появлялись на свет чуть ли не каждый год. Рождение ребёнка воспринималось как воля Господня, противиться которой мало кому приходило в голову. Больше детей — значит больше работников в семье, а отсюда и больше достаток. Исходя из этого, предпочтительнее было появление мальчиков. Девочку растишь-растишь, а она в чужую семью уходит. Но и это, в конце концов, не беда: невесты из других дворов заменяли рабочие руки выданных на сторону дочерей. Рождение ребёнка всегда было праздником в семье, поэтому-то

и освящалось оно одним из главных христианских таинств — крещением. Родители, вместе с крёстными отцом и матерью, несли ребёнка в церковь. Священник монотонно читал молитву, после этого погружал младенца в купель с тёплой водой, надевал нательный крестик, как правило деревянный, на простой бечёвке. А воротившись домой, устраивали крестины — накрывали стол и созывали на торжество всю родню.

* * *

Предположительно, в 1862 году у работяги Аслана Пирсоманавили и его жены Текле родился ребёнок. Сельский священник, задержав на мальчике дольше обычного свой внимательный взгляд, отчего-то устремил его задумчиво вдаль и замолчал. Словно ему было видение, что жизнь этого ребёнка будет иметь особенный смысл. И цель. И высшее предназначение. Потом, раскрыв святки, с необычайной торжественностью провозгласил, что в честь святителя Николая Чудотворца нарекает новорождённого Николаем, или, говоря по-простому, Нико: «Крещается раб Божий Николай во имя Отца, аминь. И Сына, аминь. И Святаго Духа, аминь», — и после каждого «аминь» окроплял мальчика святой водой...

...Ребёнок рос мечтателем и фантазёром. В возрасте пяти лет, бывало, мать просила его отнести отцу в поле обед, а он по дороге задумается, зайдёт не туда, а родитель голодным останется. Или, позабыв обо всём на свете, мальчик запрокинет голову и наблюдает за перелетающими с ветки на ветку птицами, прислушиваясь к тихому умиротворению живой природы.

Однажды, когда началась пора сбора винограда и всё село собралось вместе — каждая пара рук была не лишней, — мальчик улёгся под куст и стал мечтать:

— Эх, вот было бы хорошо, если бы каждая лоза была размером вон с тот тополь. Тогда бы соком от трёх её гроздей можно было бы наполнить большой квеври².

До самого заката мальчуган был погружён в свои наивные детские мечты. А придя домой, увидел мать, которая вышла подоить корову. Та упрекнула сына:

— Ты, сынок, хотя бы делом каким-то занялся. А то поработал месяц подпаском и загрустил. Что толку-то от твоих воздушных замков? Смотри, даже детишки не тратят времени впустую, как могут родителям своим подсобляют. Мечта не молоко, из неё ни масла не собьёшь, ни сыру не сделаешь. Глянь по сторонам, повсюду люди работают. Им мечтать некогда!

Мальчик удивился словам матери.

— Почему? — спросил он. — Что плохого в том, чтобы мечтать?

— Это мешает работе, сынок, и делает человека бедным и несчастным. Потому мы, взрослые, уже и забыли, когда мечтали-то последний раз...

— Разве такое возможно, чтобы взрослые не мечтали? Этого не может быть! Вот старый дед, когда сажал этот виноградник своими натруженными руками, разве не мечтал он, как будет детей и внуков сладким виноградом угощать?

² Квёври — керамический сосуд для хранения вина, напоминающий амфору, но без ручек.

Ноги сами привели мальчика на другой конец села. Стало ему интересно: неужели только дети мечтают? Может ли быть, что единственным полезным занятием в жизни является работа, а мечтать просто вредно?

— Гамарджоба ар ици, бичо?!³ — По дороге, согнувшись в три погибели под грузом большой бочки на спине, шёл крестьянин.

— Гамарджоба, Абесалом-бидзия⁴! — вежливо поздоровался задумчивый мальчик. И тут же, воспользовавшись случаем, спросил бедняка: — О чём ты мечтаешь?

— О чём мне мечтать, швило⁵? — вздохнул тот и вытер рукавом морщинистое лицо, по которому текли ручьи пота, берущие своё начало из-под кахетинской вязаной шапки, что грела зимой и охлаждала летом. — Мечтаю вот, чтобы путь мой был покороче, а бочка эта проклятая — полнее. А большего мне и не надо. — И пошел дальше, кряхтя под грузом тяжкой своей участи.

Побрёл Нико дальше и увидел, как, расположившись на траве, под старым орешником, пируют три князя в длинных до колен чёрных чохах⁶, из-под которых виднелись шёлковые ахалухи⁷. Приблизился он к ним, снял шапку и низко поклонился.

³ Здороваться надо, молодой человек! (*груз.*)

⁴ Бидзия — дядя (*груз.*).

⁵ Швило — принятое в Грузии обращение к ребёнку, буквально означающее «сынок» или «доченька» (*груз.*).

⁶ Чоха — традиционная верхняя мужская одежда некоторых народов Кавказа, сшитая из сукна, напоминающая черкеску, но с широкими рукавами до локтя и со стоячим воротником (*груз.*).

⁷ Ахалухи — верхняя мужская одежда, опоясывалась узким ремненным поясом с серебряной чеканкой (*груз.*).

— Почтенные князья. О чём вы мечтаете?

Рассмеялись они добродушно над его вопросом. Один из них, крайний справа, поднял наполненный до самых краёв красным вином буйволиный рог и произнёс:

— О чём мечтаю, спрашиваешь? Хм, — он погладил свои усы и закатил глаза, — желаю я, видишь ли, добыть на охоте благородного оленя и чтобы все жители нашего села сказали: «Вай! Какой молодец наш князь! Какого красавца оленя добыл! Честь ему и хвала!» Вот сейчас допью это доброе вино, встану, положу в газыри⁸ патроны и велю слуге моё большое ружьё из мехового чехла вынуть и принести...

— Да что там олень? — вмешался второй князь, что сидел в середине. — Вот я, малец, мечтаю, чтобы в наших краях, как в старину, появился могучий лев и чтоб я его победил! И чтоб все воскликнули: «Вай! Какой храбрец наш дорогой князь! Какой смельчак! В одиночку такого зверя одолел!» Вот отдохну, возьму свой острый кинжал и пойду этого льва искать!

— А я, — бахвалился третий, — мечтаю красавицу Тину в жёны взять! Чтобы все жители нашего края возгласили: «Вай-вай-вай! Молодец наш князь-джан! Такую красивую молодую жену в дом привёл!» Вот сейчас допью этот кувшин, облачусь в белую чоху, вышитую золотыми и шёлковыми нитками, возьму музыкантов вместе с их доли, пандури и саламури, и пойду к ней свататься!

— А не откажет? — спросил первый князь.

⁸ Га́зыри — специальные нагрудные кармашки, перехваченные тесьмой, в которых горцы носили порох и патроны, чтобы в любой момент перезарядить оружие. Парадные газыри иногда изготавливали из серебра, и они служили украшением наряда (*груз.*).

— Почему это она должна отказать? Она дура, что ли? Пусть посмотрит на меня — красивый, высокий, богатый! Дом есть, слуги есть, земля есть! Сабля есть! Что женщине ещё нужно? Побежит как миленькая, ещё умолять будет! — хвастал тот, даже не заметив, как мальчик отвернулся и пошел от них прочь своей дорогой.

Весь день Нико бродил по селу и его окрестностям. Всех встречных и поперечных спрашивал, а те не гнали его, отвечая на вопрос — кто с улыбкой, а кто серьезно.

Рыбак поведал:

— Мечтаю поймать самую большую рыбу, чтобы за деньги, что за неё выручу, смог и крышу в доме дырявую залатать, и жене новое платье справить, и детям гостинцев купить. Да ещё чтоб на рубаху осталось...

Дворник у княжеского имения мечтал, чтобы всегда были только весна и лето, объяснив, что осенью листья спадают с деревьев и подметай не подметай, всё толку нет, руки от работы отваливаются...

Встретил наш Нико и мальчика на худющем ослике, навьюченном огромными бидонами с водой. Тот предложил подвезти его, но Нико отказался. Ему показалось, что бедное животное взмолилось:

— Если бы ты знал, малец, как я мечтаю, чтобы мой хозяин поскорее вырос и пересел на коня... вот тогда я бы, наверное, смог передохнуть немного...

Проходя мимо поля, заметил Нико двух бедняков, которые, устав от полевых работ, лежали на мягкой травке и вели разговор о том о сём. Подойдя к ним со спины и спрятавшись за одно из редких деревьев, стал он свидетелем такого разговора. Один из бедняков, окинув взглядом поле, говорит другому: